

ИСТОЧНИК: <http://www.vz.ru/politics/2016/1/6/786837.html>

Россию ожидает великий юбилей, к которому она не знает, как относиться

6 января 2016, 10:48
Фото: П.П. Соколов-Скаля, 1953 г.
Текст: Дмитрий Лысков

Наступил 2016-й, а значит, всего через год придет столетний юбилей двух революций – Февральской и Октябрьской. При этом ни у общества, ни у государства нет понимания, как относиться к этим датам. Что это было – трагедия, достижение, неизбежность, рывок вперед, шаг назад? Почему начались революции и когда они по факту завершились? Пора определяться.

Еще 25 лет назад обе революции имели однозначную трактовку – как идеологическую, так и научно-историческую. В постсоветскую эпоху пересмотру подверглось все. Идеологические шоры были отброшены, довлеющий над социальными науками марксизм-ленинизм подвергся остракизму, в широкий доступ поступили литературные и исторические работы белоэмиграции и западных советологов, исчезли запреты на самые смелые версии о причинах процессов, которые коренным образом изменили жизнь самого большого в мире государства. Маятник, однако, качнулся в обратную сторону. И вместо объективного исторического знания мы получили новую однозначную трактовку эпохи революций, но с обратным знаком – антисоветизма.

Сегодня, когда на примере не только стран Восточной Европы, не только прибалтийских республик бывшего СССР, но и наших ближайших по культуре

соседей мы воочию убеждаемся, сколь короток путь от антисоветизма до банальной русофобии, отношение к событиям вековой давности снова подвергается пересмотру. Несомненно, что в преддверии векового юбилея революций споры вокруг тех событий обострятся еще больше. Это и шанс, и существенная угроза. Шанс сформулировать наконец объективную картину отечественной истории. Угроза вновь попасть под колебания маятника и удариться в крайности.

Заставить народ забыть о себе

Путь, который проходит сегодня наша страна, отнюдь не уникален. Великая французская революция так же, как и российская, разделила общество – и отнюдь не весь образованный слой оказался на стороне восставших. Многие представители интеллигенции затаили обиду на третье сословие, позволившее себе покушаться на права аристократии, дворянства, культурной элиты страны.

Историк XIX века Жюль Мишле обращался к современным ему интеллектуалам: «Важно выяснить, насколько верно изображена Франция в книгах французских писателей, снискавших в Европе такую популярность, пользующихся там таким авторитетом. Не обрисованы ли в них некоторые особо неприглядные стороны нашей жизни, выставляющие нас в невыгодном свете? Не нанесли ли эти произведения, описывающие лишь наши пороки и недостатки, сильнее всего урона нашей стране в глазах других народов? Талант и добросовестность авторов, всем известный либерализм их принципов придали их писаниям значительность. Эти книги были восприняты как обвинительный приговор, вынесенный Францией самой себе. Конечно, у нее есть недостатки, вполне объяснимые кипучей деятельностью многих сил, столкновениями противоположных интересов и идей; но под пером наших талантливых писателей эти недостатки так утрируются, что кажутся уродствами. И вот Европа смотрит на Францию, как на какого-то уродца... Разве описанный в их книгах народ – не страшилище? Хватит ли армий и крепостей, чтобы обуздать его, надзирать за ним, пока не представится удобный случай раздавить его?..»

«В течение полувека, – продолжает Мишле, – все правительства твердят ему (народу), что революционная Франция, в которую он верит, чьи славные традиции хранит, была нелепостью, отрицательным историческим явлением, что все в ней было дурно. С другой стороны, Революция перечеркнула все прошлое Франции, заявила народу, что ничего в этом прошлом не заслуживает внимания. И вот бывшая Франция исчезла из памяти народа, а образ новой Франции очень бледен... Неужели политики хотят, чтобы народ забыл о себе самом, превратился в *tabula rasa*? Как же ему не быть слабым при таких обстоятельствах?»

Слова историка, сказанные в другое время и совершенно по другому поводу, удивительно актуальны для современной России. Разве мы не вынесли в 90-е приговор сами себе? Разве не висит над нами это навязанное непрерывное чувство вины, не звучат призывы к покаянию? Разве не рассматривают наше

государство как урода, от которого нужно отгородиться «крепостями» XXI века? Разве не перечеркнуто наше прошлое, в котором мы не можем найти единства, и разве не слабы мы от того?

Франция свою эпоху исторического отрицания пережила. Для нас этот период затянулся уже почти на 100 лет. Но шанс остается.

Маркс и российская революция

Советская историческая наука была жестко скована рамками марксистской идеологии и была вынуждена рассуждать только в критериях формационного подхода – поэтапной смены социально-экономических формаций. Эта теория прекрасно обосновывала восходящее развитие человечества от первобытного коммунизма к классовому обществу и рабовладельческому строю, который сменялся феодализмом, на смену которому приходил более прогрессивный капитализм. Далее классики предположили, что развитие капиталистических отношений создаст основу для очередной смены формации – теперь на социалистическую, в которой не будет существовать эксплуатации человека человеком.

Почему формации сменяют друг друга? Господствующий тип экономических отношений в обществе рано или поздно достигает в своем развитии естественных границ. Феодализм приумножает богатство разобщенных феодалов, но делает это хуже, чем свободная торговля между городами, территориями и странами. Внутри формации зарождаются ростки новой экономики, они крепнут и в итоге сносят устаревающие порядки.

При этом наивно предполагать, что обладающие властью и аппаратом принуждения господствующие классы добровольно потеснятся, бароны мирно уступят власть богатеющим буржуа и не будут чинить им препятствий. Следовательно, смена формаций происходит революционным путем. Кровно заинтересованная в собственном развитии молодая буржуазия возглавляет и идеологически оснащает массы, ведя их в бой против феодалов, против сословных порядков, против закрепощения. В свою очередь капитализм, достигнув пределов своего развития, должен быть сметен наемными работниками, осознавшими свои интересы. Теперь уже пролетарии возглавляют и идеологически оснащают массы, ведут их на бой с буржуазией.

Формационная теория обязывала советских обществоведов однозначно трактовать события 1917 года как закономерный революционный переход от сословно-феодальных отношений к капиталистическим и далее – к социалистическим. Соответственно, Февральская революция именовалась буржуазной, Октябрьская – социалистической. Уже на этом этапе возникало множество вопросов, на которые обществознание не давало исчерпывающих ответов. Например: достиг ли в России капитализм предела своего развития? Можно ли считать интервал с февраля по октябрь 1917 года временем полноценного существования капиталистической формации, а если нет, то

допускает ли марксистская теория возможность «прыжков» через формации – из феодальной сразу к социалистической?

Открывшиеся в 90-е годы новые источники и возможность их широкого обсуждения значительно увеличили количество такого рода вопросов.

Социалисты за буржуев

Такой ход событий был прерван революцией. Все партии, включая большевиков, вынуждены были считаться с требованиями крестьянской массы. Олицетворением этих требований стал в 1917 году большевистский Декрет о земле и последовавший за ним Закон о социализации земли. Земля поступила в общественную собственность, наделы были розданы «по едокам». Но, решая «бытовой» срез аграрного вопроса, его окончательное разрешение большевики переносили на будущее. Вызов, который стоял перед страной, заключался в необходимости накормить всех, а не только крестьянство, получая при этом достаточно ресурсов для дальнейшей промышленной модернизации.

То, что длительное время не было видно изнутри, точно отметил в своих работах британский советолог Эдуард Карр: «Приемлемого решения аграрной проблемы в России не могло быть без повышения ужасающе низкой производительности труда; эта дилемма будет мучить большевиков много лет спустя, а ее нельзя разрешить без введения современных машин и технологии, что в свою очередь невозможно на основе индивидуальных крестьянских наделов».

Каким бы шокирующим ни выглядел этот вывод, но именно Сталин, проведя коллективизацию, пришел к окончательному разрешению противоречий, возникших и до крайности обострившихся еще в Российской империи, легших в основу российской революции. Только в 1930–1932 годах Россия вырвалась из порочного круга, в котором повышению производительности труда и механизации сельского хозяйства мешала его архаичная структура. И она же не была приспособлена, не соответствовала задачам промышленного роста, без чего не было возможности осуществить механизацию.

Этот момент, как представляется, и следует считать завершением самой революции.

Сегодня мы можем по-разному оценивать те события, но обсуждать необходимость преобразований вряд ли рационально. Альтернативой им была бы «справедливая» деревенская пастораль с произвольно большими наделами «по едокам» в отброшенной в аграрную фазу стране. Абсолютизировать «идиотизм деревенской жизни» в России XX века означало бы закладывать основы новой революции – или неизбежной утраты суверенитета.

Заграница нам поможет

Пока внутри собственной страны мы не можем договориться по вопросу о роли российской революции, в работах серьезных западных ученых (не путать с поп-историей) все давно разложено по полочкам.

Так, американский историк и советолог Роберт Дэниэлс, настроенный отнюдь не просоветски и стоящий на твердых антикоммунистических позициях, констатирует: «Система, рухнувшая в 1991-м, весьма и весьма отличалась от той, которую большевики пытались установить в 1917-м. Она прошла все стадии революционного процесса и была сформирована с одной стороны историческим наследием России, с другой – потребностями модернизации».

Дэниэлс продолжает: «...Если иметь в виду реальные задачи, возложенные на него историей, советский «эксперимент» отнюдь не назовешь полной неудачей. Основная его цель состояла в доведении до конца процесса модернизации, прерванного революцией, а также в мобилизации национальных ресурсов ради выживания России и ее способности конкурировать в мире передовых военных технологий... Сталинизм превратил крестьянское по своей природе общество в нацию, по преимуществу городскую, образованную и технологически изощренную, одним словом – современную. Советская Россия была уже не докапиталистической, как это зачастую утверждалось в теориях посткоммунистического «перехода», и не посткапиталистической, как трактовала марксистско-ленинская доктрина, она была альтернативой капитализму, параллельной формой модернизации, осуществленной совершенно иными методами».

Может быть, в этом вопросе стоит прислушаться и к «западным голосам»?

Текст: Дмитрий Лысков